

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

ЧАСТЬ I

I

Предчувствие должно было подсказать ему, что он уже по ту сторону. Но оно отсутствовало — влияние предков, заглушавших их с незапамятных времен. Он понял, что что-то не так, когда двое качков в золотых зеркальных шлемах преградили ему путь во время вечерней пробежки. Деревья в парке закрывали свет фонарей, из-за чего он едва не налетел на них. Подумал, это нападение и, наверное, только потому так отреагировал. Кинулся в сторону и споткнулся о бордюр. Услышал электрический треск, и голубые искры пролетели у него над головой. Он поднялся с травы и побежал. Не кричал, не оглядывался, чтобы не тратить силы. Он просто бежал, так быстро, как только мог. Голубые искры рассекли воздух еще дважды. Они не могли стрелять и бежать одновременно. Расстояние увеличивалось. У него было преимущество, он бегал каждый день. Он перепрыгнул низкое ограждение клумбы, растоптал розы и свернул в сторону Уяздовских аллей. Рискнул и оглянулся. Не догоняли, отставали на целых пятнадцать метров. Если он добежит до ворот... там будут люди, камеры, много камер. Он выбежал на выложенную брусчаткой аллею и за несколько секунд преодолел расстояние, отделяющее его от спасения.

Напротив ворот остановилась оранжевая Ныса. С шипением сжатого воздуха отъехали двери с надписью «ЭЛ» в круге, и из машины выпрыгнули четверо мужчин в черно-оранжевых комбинезонах и шлемах с золотыми зеркальными щитками. От испуга он почти остановился, свернул влево и побежал, но это мгновение остановки ему и помешало. Голубой блеск пронзил острой болью левое плечо. Остальной заряд разбежался с шипением по кованому ограждению. Лепестки роз посыпались, как перья из разорванной подушки. Он вскрикнул и пошатнулся. Онемевшая рука тормозила его, но он бежал дальше.

Кто-то вышел ему навстречу, двое людей. Патруль полиции! Он открыл рот, но не успел крикнуть. Искры затанцевали на тротуаре, в щелях гранитных плит. Световые иголки вонзились в ноги, икры моментально ослабли. Он повалился на землю, амортизируя падение здоровой рукой. Полицейские притормозили и с нескольких метров заинтересованно наблюдали за ситуацией. Он поднял на них удивленный взгляд, и тогда все понял: это не было нападением.

Возле его уха раздался топот тяжелых сапог. Один прижал его коленом к земле, другой выкрутил ему руки и застегнул наручники на запястьях. Три человека потянули его вверх — сам он не мог подняться.

— Гражданин Марек Реведа? — прогудел из шлема один из черных и, не ожидая ответа, продолжил: — Элиминатор номер Восемь Один. Именем мэра города Варшава мы задерживаем вас в превентивных целях. Ваши права будут озвучены после подтверждения легальности процедуры задержания.

Он бессильно водил взглядом от одного зеркального щитка к другому. Он уже знал, но нужен был еще один миг, чтобы поверить. Через час у него был назначен ужин, завтра у него встреча, у него незаконченный проект...

— Как?..— только и смог он выдать из себя.— Я же не... я ничего...

Он не успел больше ничего сказать, как ему на голову натянули мешок. Почувствовал, что его волочат, а бессильные ноги трутся носками обуви о тротуар. Как так? Он даже хотел купить кота, чтобы в доме бродило что-то живое. Он уже почти решился на черного, чтобы шерсть на ковре не бросалась в глаза. Нужно было машину помыть, купить Анке подарок. Столько всего нужно было сделать... Как же так?

За ним задвинулась дверь, и Ныса с шорохом электродвигателей неспешно двинулась по направлению к площади Трех Крестов. Цвет машины плавно поменялся с оранжевого на голубой, а на дверях появилась реклама сантехнических услуг.

* * *

Светящийся и ворчащий злобным тоном коммуникатор выдернул его из беспокойного сна просто в объятия похмелья. Он на ощупь потянулся к прикроватной тумбочке; попал только с третьего раза, и звук утих. Затем разлепил веки и посмотрел в потолок. Взгляд встретил пожелтевшую краску и кабель от люстры, на котором висела голая лампочка. Он все равно не пользовался верхним светом. Медленно сел и уставился в такую же пожелтевшую стену в двух метрах от него и загроможденные полки.

Он сполз с кровати, оперся рукой о стену и выглянул через грязное окно, выходящее на бетонный муравейник — такой же, в каком и он жил. Внизу люди, как муравьи. Не лучший вид для такого утра. Пошатнувшись, он ухватился за подоконник. Земля исчезала в перспективе так, что были видны только крыши Муранова, ближайшего к нему района. Варшава кружилась вокруг него. Стены комнаты тоже не складывались в плоскую поверхность. Двигались. Он едва удерживал равновесие.

«У меня же есть деньги,— подумал он,— я мог бы купить себе апартаменты на Жолибоже с террасой два на два метра и пальмой в горшочке». Терраса была бы кстати для подобного утра. Он прокручивал эту мысль в голове снова и снова, пока не пришел к тому же выводу, что и всегда,— его бы сразу вычислили и, помимо прочих, налоговая бы тоже села на хвост. А ему ни к чему привлекать лишнее внимание.

Он перевел взгляд на кухонный стол, втиснутый между раковиной и входными дверями. Бутерброды с паштетом, боже, вот что так воняет. Рядом с ними лежало мокрое полотенце. Кого он сюда привел? Ее? События прошедшего вечера и ночи оставались загадкой.

Он сглотнул от нахлынувшей тошноты.

В наполненной паром ванной, куда он пришел проплевать в унитаз, пахло лавандовым мылом. Раздевшись, он сначала сунул голову под струю холодной воды, а после и сам встал под душ. Почувствовав небольшое облегчение после этого, он приготовил себе витаминно-ацетилсалициловый коктейль. Газированная жидкость неприятно обожгла горло. Он спрятал в

холодильник бутерброды с паштетом и постарался сосредоточиться.

Сегодня полдня нужно провести с Марысей. Он видел ее раз в две недели и посвящал ей не больше нескольких часов. Плохая идея — столько пить вчера. Но до этого — быстрый взгляд на экран коммуникатора — встреча с клиентом, чье ТС пять минут назад прервало его ангельский сон. Только благодаря имеющимся деньгам он еще виделся с дочерью.

Он спустился на первый этаж и инстинктивно свернул к киоску в холле дома. Миновала неделя с его закрытия, а автомат с сигаретами так и не поставили. Что ж, значит купит по дороге.

* * *

Приедет — не приедет, приедет... Он вертел в пальцах портсигар. Черт с ним! Не приедет этот — будет другой. Допивая второй кофе, он поглядывал в окно на солнечный, оживленный тротуар. Может, клиент где-то там, третий раз проходит мимо кафе и мечется в сомнениях? Придет — не придет... Заказчик, смелый в анонимной сети, назначает сделку, но часто пасует перед личной встречей. Это, конечно, наивно, ведь анонимность в сети — иллюзия дилетантов. Захотят выследить — выследят любого. Секрет заключается в слиянии с окружающей серостью. По крайней мере, так должно казаться. Потертая мятая военная куртка, старые брюки и кепка — его способ мимикрии. Последнее, чтобы скрыть лицо от камер, размещенных обычно под потолком. Он выбрал место, невидимое ни для одной из них.

На столе лежал коммуникатор — плоский черный прямоугольник величиной с ладонь. Каждые несколько секунд он показывал время. Двенадцать сорок семь. Клиент опаздывает на семнадцать минут, такое тоже часто случается. В профессии нюхача нужно иметь терпение, хотя в случае Харпада оно было чертой приобретенной и не распространялось на другие сферы его жизни. С «другими сферами», к слову, было не очень. Ему под сорок, и деньги единственное, что у него было в достатке. Остальное — хаос. Камуфляж и общая непримечательность — теперь вынужденная мера, чтобы Надзор не обращал на него внимания. К сожалению, каждая попытка постоянной работы на полставки после месяца или двух заканчивалась скандалом с шефом. Никто не хочет иметь работника, который всегда все знает лучше. Отсутствие официальной работы было проблемой, но это лучший вариант маскировки для сохранения себя. Семейные дела выглядели...

— Вы — Харпад? — над столиком склонился невысокый старичок, похожий на крысу. Лысый череп, круглые очки и торчащие, слегка заостренные уши однозначно делали его похожим на грызуна. Мужчина даже дерматиновый портфель держал перед собой в худых согнутых пальцах так, как будто не мог определиться, хочет ли он им защищаться или же за ним спрятаться.

Харпад поставил на стол открытый дискретор и опустил в его мягкое плюшевое нутро свой коммуникатор. Жестом указал на стул напротив. Мужчина послушно сел на краешек сиденья, положил коммуникатор в кармашек и уставился в стол.

— У меня плохое предчувствие. Жена ко мне в последнее время плохо относится, — начал он тихим

фальцетом.— Все хуже и хуже, честно говоря. На работе тоже безнадежно. Думаю, то, как ко мне относится начальник, тоже имеет значение... По вечерам я порой лежу в кровати и думаю, как его убить. Это только мысли, конечно. Я этого не сделаю. Как бы я смог?.. Вчера у меня случилась неприятная ситуация с соседом...

— Не нужно объяснять.— Харпад закрыл дискретор. Теперь коммуникаторы были акустически и электромагнитно изолированы.— Меня не интересуют ваши мотивы. Вы платите, я называю ПО.

— Так просто? — Крыса посмотрел на собеседника и тут же отвел взгляд.

Он начинал действовать Харпаду на нервы.

— Вы же за этим пришли?

— Да, да... — активно закивал мужчина и снова уставился в стол.

Харпад ждал следующий вопрос. Но его не последовало, поэтому он пояснил:

— Вы платите сейчас. Ответ получаете через пятнадцать минут.

— А если вы убежите с деньгами? — Крыса взволнованно посмотрел на него.

— Это будет означать, что вас обокрали,— спокойно ответил Харпад.— Но с тех пор как я в этом бизнесе, то есть каких-то двенадцать лет, я ни разу этого не сделал.

Череп Крысы заблестел от капелек пота, хотя в кафе было прохладно. Трясущимися руками он вынул из сумки серую коробочку из-под мятных конфет. Харпад больше не ждал. Взял ее, положил в карман, забрал свой коммуникатор из дискретора и вышел. Проверка

ПО займет у него минуту, ну, может, две. Эти пятнадцать минут ему нужны были для верификации клиента. Если он был из полиции, его люди не могли упустить из виду пачку денег. Банкноты, неиспользуемые много лет в легальной торговле, были доминирующим платежным средством в местах, в которых Харпад регулярно бывал. Их делали из такого прочного материала, что они все еще были пригодны к использованию. Каждая транзакция должна регистрироваться и облагаться налогом. Но банкноты не для того используют, чтобы что-либо регистрировать.

Риск есть всегда, хотя сомнительно, что полиция выбрала бы такого неудачника для проведения своей операции. Харпад терпеть не мог таких типов.

Он миновал две арки, свернул в третью, которую заприметил с самого начала, прошел три дворики-колодца, в которых было светло благодаря солнцу, стоящему в зените, и оказался на следующей параллельной улочке. Припаркованный в нескольких шагах Триумф мигнул диодом замка. Дверь отодвинулась от корпуса и захала на крышу. Харпад уселся в кресло водителя, кнопкой закрыл дверь и затемнил стекла. Выдохнул. Холодный салон давал чувство безопасности, изолировал от раскаленного добела хаоса города. Въезд в старые районы дорого стоил, право на парковку тоже, но этот кусок личного пространства был ему необходим. Он включил глушилку, положил коробочку на кресло рядом. Из бардачка достал подручный сканер и провел им над коробочкой. Чисто — ни детонатора, ни жучка. Деньги даже не считал, просто кинул в бардачок. Он коснулся уплотнения за правым ухом. Нажал. Пикнуло. Закрыл глаза и глубже провалился в кресло.

Лица, фамилии и числа заполнили зеленое пространство. Он плыл, летел между ними, уже предчувствуя направление. Нужная запись как всегда притягивала его. Он отбрасывал маловажные данные, пока не достиг цели. Визуализация была простая: табличка с фото, именем, фамилией и пунктами ПО, отражающими тяжесть молота, зависшего над вспотевшей запуганной головой Крысы.

Он открыл глаза. Ничего не поменялось. Звуки снаружи сюда почти не проникали, а за затемненными, рассеивающими свет стеклами двигались размытые тени. Он вытащил из кармана куртки портсигар из нержавеющей стали с выгравированной надписью: «Для Павла, любви всей моей жизни». Резинка сжимала восемь сигарет. Клацнула зажигалка. Дым с запахом фиалок поднялся к потолку. Серые полосы сонно проплывали внутри авто. Козельский, а именно так звали Крысу, был в заднице. Его ПО приближался к ста. Оставалось меньше трех пунктов. Интуиция его не подвела. Такая соломинка безопасности — это уже финишная прямая. Само предоставление этой информации означало приговор.

С заднего сиденья на него смотрел мужчина с физиономией бульдога. Ладонь Харпада замерла на полпути к пепельнице. Интуицию явно переоценивают. Этот сукин сын сидел здесь с самого начала. Харпад не был дураком, потому не использовал дешевые трюки. Прежде чем он успел бы открыть дверь, незнакомец разрядил бы весь магазин ему в спину. Поэтому он вздохнул, чтобы успокоить сердцебиение, и спросил:

— Что нужно?